

ПОЛЬСКИЙ ДИАЛОГ : ЦЕРКОВЬ — ЛЕВЫЕ *

Я буду пользоваться термином "неверующие левые". Ввиду нестрогой формулировки, объясню, что я под ним понимаю, на примере четырех вех новейшей истории Польши. Это 1936, 1946, 1956 и 1966 годы — с отступом ровно в десятилетие.

Довольно легко определить, кто был левым в 1936 году. Характерные черты левизны в те времена — антифашизм, требования планового хозяйства, земельной реформы и отделения Церкви от государства. Польские левые ни в чем не отличались от классических западноевропейских образцов — так же, как и польские правые. Десятью годами позже картина была куда сложнее.

Следом за официальной историографией и мы привыкли отождествлять левизну образца 1946 г. с поддержкой "новой жизни" и новой власти, установленной на штыках Красной Армии. Многие, особенно в среде польской интеллигенции, применяли этот же критерий и тогда. К левым идеалам апеллировали идеологи ППР (Польской рабочей партии); их же провозглашали нацеленные на сотрудничество с коммунистами руководители "официальной" ППС (Польской социалистической партии). Тем не менее, подавляющая часть актива довоенной ППС выступила против "новой жизни", в оппозицию к которой стали и некото-

* Отрывки из книги Kosciół, Lewica, Dialog; Instytut literacki, Париж, 1977. В аналогичном виде работа А. Михника вышла по-английски в сборнике Communism and Eastern Europe (под редакцией Фр. и Ларисы Силницких и К. Реймана), Karz Publishers N.Y. 1979 and The Harvester Press, London 1979. Здесь печатаются отрывки из русского издания книги А. Михника "Польский диалог: Церковь — левые", Overseas Publications Interchange, London 1980 (перевод Н. Горбаневской). Редакция выражает благодарность Overseas Publications за разрешение использовать их текст.

рые видные левые интеллигенты, — внутри традиционных левых кругов произошел раскол. "Кузница"¹ и ее редактор Стефан Жулкевский подчеркивали прогрессивность проводимых социальных реформ. Руководители ВРН² (основная часть "неофициальной" ППС) так же, как Мария Домбровская или Зыгмунт Жулавский, подчеркивали реакционность и тоталитарность методов проведения реформ. Это разделение левых на два лагеря не стоит упускать из памяти. Слишком многие публицисты — на мой взгляд, довольно легкомысленно — ставят знак равенства между Передовым Строем и политическими программами всего левого лагеря. Как показывает опыт, эти программы совсем не обязательно тождественны одобрению деспотизма и лжи.

Еще через 10 лет, в 1956-м, в год "польского Октября", левые определили себя через двойное отрицание: они были против консервативно-реакционных сил внутри партии и одновременно против традиционных правых, воплощением которых для них была, прежде всего, католическая Церковь. Журнал "По Просту"³ напал разом и на сталинистов, и на католических законоучителей; Лешек Колаковский, идеолог "октябрьских левых", систематически подвергался партийным обвинениям в оппозиционности, ревизионизме и прочих ересьях и в то же самое время был сотрудником журнала "Аргументы", органа Товарищества атеистов и свободомыслящих, где шла яростная полемика с религией и католической Церковью. "Ревизионисты" были, по большей части, вчерашними сталинистами, взбунтовавшимися против партийного прагматизма. На волне "Октября" они постепенно установили духовную связь с неизменно антисталинскими левыми, а врагов по-прежнему видели двух: ЦК партии и католическую Церковь. Отрицательные последствия такого положения обнаружались еще десятью годами позже.

1966 год прошел под знаком острого конфликта между руководством ПОРП (Польской объединенной рабочей партии) и епископатом. Ревизионисты, а также группа молодежи, объединявшаяся вокруг программы Куроня и Модзелевского, оказались перед лицом самого серьезного за последние годы политического конфликта в стране. Никто из этих людей — а их порядочность и отвага несомненны — не высказался в этой ситуации. Ни Лешек Колаковский, ни Влодзимеж Брус, ни Мария Оссовская, ни Антоний Слонимский — ни один из духовных вож-

дей левой интеллигенции не выступил публично против завравшейся пропаганды, которая бросила епископам абсурдное обвинение в предательстве национальных интересов....

В одной из проповедей в конце 1965 года кардинал Вышинский с одобрением упомянул эссе Колаковского "Иисус Христос — пророк и реформатор". Эссе Колаковского вместе с положительным комментарием Примаса Польши могли стать исходной точкой сближения Церкви и неверующей интеллигенции. Вышло иначе. Колаковский на страницах печати отмежевался от кардинальской интерпретации своей статьи. На протяжении всего конфликта вокруг послания епископов Колаковский хранил молчание. Он прервал его в октябре 1966 г., произнеся перед студентами Варшавского университета лекцию о десятой годовщине "польского Октября". В блистательной и вдумчивой речи Колаковский подвел итог десятилетнему правлению "октябрьского" партийного руководства. Это подведение итогов, произведенное с позиций оппозиционной интеллигенции, содержало столь критические суждения и столь радикальные формулировки, что Колаковский был тут же исключен из партии. Однако и в этой речи, резкой и далеко идущей, не было ни одного высказывания, затрагивающего политику партии по отношению к религии и Церкви. Неверующие левые понимали необходимость борьбы за расширение демократических свобод, но не видели в Церкви союзника.

И вот, еще через десять лет, я снова задаю вопрос: что же такое "левые" сегодня, в 1976 году? И не могу ответить на это однозначно. За последние годы, в результате краха официальной коммунистической идеологии, усилились и распространились националистические настроения. Это видно как в правящих кругах, так и в среде оппозиции. И власть, и оппозиция расслоены. Меня больше интересуют подразделения внутри оппозиции. Пользуясь формулировкой одного из моих друзей, скажу, что оппозиция состоит из тех, у кого оппозиционность основана на убеждении в превосходстве капиталистической системы, и тех, программой которых является идея демократического социализма. Я понимаю, насколько я все упростил, но, придерживаясь этого упрощения, скажу еще, что левых я отождествляю с этими вторыми. Это они провозглашают идеи свободы и терпимости, суверенности человеческой личности и освобожде-

ния труда, справедливого распределения национального дохода и равенства шансов для всех — и выступают против шовинизма и национального угнетения, обскурантизма и ксенофобии, бесправия и социальной несправедливости. Программа левых — это программа антитоталитарного социализма.

* * *

Отношения между католической Церковью и социалистическим движением сложились плохо с самого начала. Господствовала взаимная вражда... Для Церкви программа социалистического движения была разрывом с принципами природного Божественного права и предвестием нравственного нигилизма. Учитывая исторический опыт, можно сказать, что в церковных предостережениях, над которыми, кстати, социалистические авторы не уставали насмехаться, было немало верного, были мысли, которые и сегодня стоило бы припомнить. В свою очередь, социалисты упрекали Церковь во враждебности к социальным реформам, в тесном контакте с сильными мира сего, в желании подчинить себе все сферы мирской жизни, наконец — в нетерпимости по отношению к иноверцам и неверующим. Следствием отрицательного отношения социалистов к политической роли Церкви была их враждебность к религии как к таковой и программный атеизм. Маркс, например, понимал религию как идеологическое обоснование господствующих отношений и толковал ее исключительно в категориях ложного сознания. "Религия, — писал Маркс, — это вздох угнетаемого существа, сердце бесчувственного мира, душа бездушных отношений. Религия — опиум для народа". Маркс провозглашал "позитивную отмену религии". "Критика религии, — писал он, — завершается тезисом о том, что человек есть для человека высшее существо, следовательно, она завершается категорическим требованием уничтожения всех отношений, в которых человек есть существо унижаемое, подавляемое и достойное презрения".

Антропоцентризм и атеизм Маркса обращены против определенных социальных функций, которые религия исполняла, до которых была сведена на протяжении веков. Я хочу быть хорошо понятым: я не утверждаю, что в цельной историософской конструкции Маркса или Энгельса остается место для Бога, христианского или любого другого; но я убежден, что реши-

тельный атеизм Маркса корнями уходил не столько в его ненависть к самой идее трансцендентности, сколько в его отношение к консервативно-охранительной доктрине тогдашней Церкви.

В польских условиях механизм был сходным. Сошлюсь на свидетельство человека, которого нельзя заподозрить ни в коммунизме, ни в маниакальной неприязни к религии и Церкви. Ежи Завейский⁴ писал:

"Так чем же были Церковь и католицизм для нас, бывших социалистов и "оглашенных" междувоенного двадцатилетия? С болью должен признаться, что Церковь в лице своих официальных представителей, т.е. клира, была для нас величайшей преградой на пути к вере и католицизму. Католицизм равнялся для нас антисемитизму, фашизму, мракобесию, фанатизму и всему, что противостоит культуре и прогрессу. В Сейме примитивным языком и примитивными методами воевали тогдашние ксендзы-депутаты. Антисемитская деятельность о. Третьяка, полная яда и ненависти, была оскорбительна для всех. Так называемая всепольская молодежь выставляла в своей программе лозунги Бога и Отечества, звучавшие для нас однозначно. В них заключалось все реакционное, агрессивное, питаемое ненавистью. Схватки в университетах только пятнали репутацию католической молодежи: именно из ее среды являлись молодчики с бритвами и кастетами.

Некоторая часть католиков поддерживала националистические, даже фашистские движения, ведя бой с "врагом" на всех фронтах светской мысли, с врагом вымышленным, который не хотел и часто не принимал этого боя"...

Конфликт польских левых с католической Церковью был во времена Второй Речи Посполитой конфликтом тотальным...

(А после войны) На повестке дня стоял не диалог об идеях или о мировоззрении, но острый политический конфликт (на этот раз) между довольно консервативной католической Церковью и размахивающей радикально-прогрессивными лозунгами тоталитарной властью.

Не отрицая необходимости социальных реформ, Церковь твердо защищала свои территории. Епископат последовательно

атаковал все шаги новой власти, которые вели к секуляризации общественной жизни. Поэтому, кстати, предметом долгой критики было введение гражданских браков и закона о разводах. Антицерковная и антирелигиозная политика властей, а с другой стороны — несогласие епископата на отделение Церкви от государства привели к тому, что стала очерчиваться некая линия фронта в политических конфликтах — рубеж вероисповедания. Рубеж этот, разумеется, не был механическим. Было много людей, которые отвергали новую власть, не принадлежа к католической Церкви... Были и, наоборот, католики, которые приняли новый порядок и власть коммунистической партии. Точнее говоря, провозглашая себя католиками, они не забывали подчеркнуть, что они — "левые католики"...

Поэтому можно говорить о двух типах рубежей и конфликтов. С одной стороны, источником конфликта было сопротивление Церкви секуляризации общественной жизни, отделению Церкви от государства (а это требование было неотторжимым элементом левых программ на протяжении десятилетий). С другой стороны, левые католики — брешь во фронте вероисповедания — определяли себя, главным образом, через поддержку политики новой власти, которая тем временем изо дня в день все более обнажала свой тоталитарный характер.

Огромное большинство левой интеллигенции — не одни только левые католики — поддержало пришедших к власти коммунистов. Достаточно просмотреть комплекты литературных и общественно-политических журналов того времени, чтобы в этом убедиться... Тогда-то и начался этот бег по наклонной плоскости, который привел многих благородных и честных людей к оправданию сталинской лжи, насилия, преступлений.

Это тема особая, важная, заслуживающая серьезного исследования. Я не хотел бы ни легкомысленно обвинять людей, которые отождествляли себя с левизной, — такие обвинения стали модными, — ни легкомысленно их оправдывать, что тоже начинает входить в моду. Мотивы их были, безусловно, различны, однако для меня не подлежит сомнению, что одним из существенных факторов совершавшегося тогда идейного выбора был страх перед клерикальными правами, страх, порожденный определенным представлением о польском католицизме и нередко оправданный действительной реакционностью довоенной католи-

ческой Церкви. Традиционным приверженцам левизны легче было принять насилие, когда оно служило делу столь бесспорному, как секуляризация общественной жизни.

* * *

Этот аргумент постоянно повторяется в разговорах с людьми, ставшими на сторону ППР. Тогдашний свой идейный выбор они мотивируют страхом перед силой и влиянием лагеря реакции. "Третьего пути не было, — говорят они и прибавляют: — Мы были не в состоянии предвидеть, что произойдет дальше, но мы хорошо помнили политику католической Церкви до 1939 года". В свою очередь, католики, люди, которые с 1945 г. остаются в твердой и последовательной оппозиции к коммунистической власти, говорят сегодня: "Как можем мы доверять тем, кто тогда растоптал наши самые элементарные права? Как можем мы сотрудничать с теми, кто вступил тогда в сговор с ложью и насилием и никогда не свел счетов с прошлым?" Следствием обоих стереотипов было, между прочим, в высшей степени пагубное молчание левых в 1966 г., когда шла облава на епископат, а также в высшей степени болезненная сдержанность католических кругов в 1968 г., во время погрома интеллигенции (исключением было выступление депутатов группы "Знак").⁵

Значительная часть интеллигенции связывала с послевоенными реформами надежды на ликвидацию социальной и культурной отсталости, на воплощение в жизнь мечты о справедливой и современной, толерантной и демократической Польше. Существенной чертой воображаемого облика было отделение Церкви от государства. Поэтому все правовые реформы, способствовавшие этому отделению, встречали естественное одобрение неверующих левых. Так было и в случае введения гражданских браков и закона о разводах. Это было сделано очень быстро, уже в 1945 году.

Против этих реформ выступил епископат. Надо заметить, что острее его выступления не было направлено против разводов католиков, — это было бы легче понять. Епископы выступили против права на развод и тех граждан польского государства, которые находились вне католической Церкви. С точки зрения неверующего, все становится вроде бы очевидным: Церковь просто-напросто защищает свою привилегированную по-

зицию. Следовательно, и полное одобрение левой интеллигенцией коммунистической политики секуляризации не должно бы возбуждать возражения?

Увы, вопрос этот я не могу посчитать ни простым, ни однозначным. Совершенно ясно, что в политическом контексте целью этих правовых актов было вовсе не отделение Церкви от государства, а подчинение Церкви государству, программой которого было навязать народу атеизм. Стремление подчинить Церковь входило в политическую линию на полное подчинение режиму всего общества, на уничтожение всех независимых общественных сил — одним словом, оно входило в политику превращения общества в тоталитарное.

Можно бы возразить, что отделение Церкви от государства всегда положительно; даже если производит его власть, в остальном мало нам симпатичная. Ответу на это: существует принципиальная разница между стремлением к такой секуляризации общественной жизни, где религия — с точки зрения государства — становится частным делом граждан, и стремлением установить господство атеизма, т.е. ликвидировать религию и Церковь. Ответу также: условием подлинного отделения Церкви от государства является отделение государства от Церкви, а не превращение Церкви в послушное орудие в руках атеистической власти (как в СССР). Условие отделения Церкви от государства — полная свобода отправления религиозного культа. Это отделение означает, что неверующие перестают быть гражданами второго сорта, но отнюдь не означает, что гражданами второго сорта становятся верующие. И безусловно ложно отождествлять правовую секуляризацию и государственную пропаганду идеологии "марксизма-ленинизма" в ее сталинском варианте. Идеология эта, выдавая себя за науку, исполняла все функции официальной государственной религии. Если признать, что почитание Бога должно быть для государства делом посторонним, то столь же посторонним должно быть почитание кумиров Партии, Истории или Прогресса.

Здесь стоит припомнить точную формулировку французского мыслителя Жана-Мари Доменака, который писал:

"Секулярностью мы, в точном смысле, называем недо-
зволение какой-либо идее монополизировать государство.

Поэтому мне кажется, что секулярность наилучшим образом страхует политическое сознание от гипертрофии и защищает общество от идолопоклонства".

У Доменака секулярность — "это гарантия, которую мы создаем все вместе, верующие и неверующие, против захвата государства тоталитарными философиями".

Мне нечего добавить к точной формуле Доменака. Замечу лишь мимоходом, что, пройдя через марксизм, левые могли бы запомнить, что истина конкретна. Еще можно вообразить размах иллюзий 45-го года, но невозможно понять людей, которые сегодня, тридцатью годами позже, повторяют все те же тезисы. Иными словами: оценка определенных идей зависит от контекста, в котором они провозглашаются. Антиклерикализм (но не антирелигиозность) в довоенной Польше, на мой взгляд, был выражением прогрессивно-демократических устремлений. Хоть и не без горечи перечитываю сегодня довоенное высказывание кардинала Вышинского, что "интеллигенция наша нередко... готовит почву для коммунизма, а себе — эшафот", а все-таки сопротивление политической практике Церкви было в то время — по крайней мере, с позиций неверующих левых — разумным и объяснимым. Но тот же самый антиклерикализм обрел совершенно иной смысл, когда Церковь сопротивлялась стремлениям государственной власти тотально овладеть духовной жизнью общества.

То, что накануне было прогрессивно и демократично, что, казалось бы, вело к свободе и терпимости, в изменившихся условиях стало служить реакции, отворять ворота насилию и тупому фанатизму. Левые — автор и себя включает в это понятие — не имеют права забыть об этом. Мы стали бессознательным оружием в руках тоталитарной власти, которая по чужеземному мандату и с чужеземной поддержкой правила во вред польскому народу. Пока мы не признаем этого ясно и открыто, мы не можем рассчитывать на понимание и доверие со стороны тех, чьи биографии не похожи на наши. ...

* * *

Последовательно рассчитываясь с собственными традициями и собственным прошлым, я чувствую себя обязанным именно

здесь объяснить, что способствовало принципиальному преобразению образа Церкви и христианства в глазах таких людей, как я, совершенно от них далеких (если не сказать — прямо враждебных). Я думаю здесь о роли, которую сыграл в нашей духовно-интеллектуальной жизни журнал "Вензь".⁶ ...Я только напомню некоторые черты редакционной политики "Вензи": упрямое и последовательное стремление к диалогу с людьми иного образа мыслей; терпеливое усилие в засыпании рвов, которые отделяют верующих от неверующих; постоянный выход за невидимые перегородки вероисповедания.

"Вензь" нашла язык, который доходил до нас; "Вензь" выстраивала новый тип идейных контактов. Легкой жизни у редакторов журнала не было. С ними остервенело боролся ПАКС;⁷ им не доверяли ни в среде мирян, ни в епископате. Паксовцы, принявшие тоталитарный социализм, видели в "вензевцах" сторонников социализма в его гуманистическом виде. Клерикальные круги обвиняли журнал в том, что он — "троянский конь" модернистских новинок. На самом же деле, ... терпеливой и дальнорзоркой политикой редакция "Вензи" сумела показать нам куда более истинное лицо католической Церкви, дала понять глубокий смысл позиции католических епископов, а некоторым открыла и трансцендентность. Благодаря интеллектуальному опыту, которым для нас было чтение очередных номеров "Вензи", я обрел теперь иной взгляд на всю историю Церкви и особенно на роль Церкви в последнее тридцатилетие жизни нашего народа. ...

* * *

В эпоху усиленного сталинского террора (1948-1955) Польша была страной бесправия, Конституция — клочком бумаги, религиозные свободы — фикцией. ... Церковь защищала свою веру и свое право гласить евангельское учение.

Попробуем реконструировать основные этапы тактики католической Церкви, пользуясь церковными документами эпохи и пастырскими посланиями епископата и Примаesa Польши.

В послании епископата к польской католической молодежи (15 апреля 1948) читаем:

"Новые потребности, вставшие перед восстанавливающейся Отчизной, неизбежные социально-экономические пе-

ремены совпали с усиленной пропагандой материалистического мировоззрения. ... Все чаще и чаще мы слышим бездумные заявления о том, что воспитание, основанное на христианских принципах, изжило себя, и что надо искать новых способов формирования молодых поколений. Распространяется лозунг "полной перестройки сознания человека", под которым разумеется основать воспитание на материалистическом мировоззрении: переустройство мира и приспособление человека к новой эпохе должно происходить без Бога и религии, вне христианской традиции народа. ... Церковь не может согласиться на воспитание католической молодежи без Бога, при замалчивании Его учения, при отрицании Его заповедей. ...

... Основательное образование постепенно откроет вам широкие просторы жизни, где хозяйственные дела немаловажны, но они отнюдь не все, ибо не в них исполнение всех человеческих стремлений. ... Не соблазняйтесь материализмом старших, однако уважайте добрую волю тех материалистов, что искренне трудятся для лучшего будущего трудящихся масс. ... Будьте в жизни реалистами, но в границах Божественного права, — и никогда не отказывайтесь от христианских идеалов. Трудитесь не только на благосостояние страны, но и ради ее христианской культуры и ради духа Христова. ...

Любите ближнего искренней любовью евангельской. ... Остерегайтесь ненависти — адского порождения. Пред лицом послевоенного упадка порядочности не допускайте никакого ущерба ближнему, остерегайтесь себялюбия. ... И возлюбите истину. Будьте ее исповедниками и апостолами. Ложь губит душу и противоречит как нравственным устоям, так и основам национального возрождения.

В пастырском послании польского епископата на праздник Царя Иисуса епископы, в частности, писали:

"Не посылайте детей в школы, где отменены уроки Закона Божьего. Нет в Польше закона, принуждающего записывать детей в школы без обучения религии. ... Мы призываем всех к творческому деланию. Мы все по совести исполняем свои профессиональные обязанности. Пусть

крестьяне старательно засевают поля. Пусть в доменных цехах, шахтах, канцеляриях и магазинах кипит благородный труд — призвание человека. Пусть из месяца в месяц восстанавливается польская жизнь, столица, города, сады, церкви. Храните доверие и спокойствие духа. Храните чувство личного, национального и католического достоинства. Пусть никто не позволит темным элементам спровоцировать себя на неразумные шаги. Польская жизнь нам дорога и свята. Не следует рисковать ею без нужды. Кровь польскую нельзя расточать в бесцельных схватках. Народ должен остаться сильным, жизнеспособным, умеющим выстроить свое завтрашнее величие.”...

... Программа, сформулированная епископами, — это борьба за право преподавания религии, за право на католическое воспитание молодежи. Рекомендуемый в пастырских посланиях образец поведения — верность принципам христианской этики и культивирование евангельских добродетелей. Призыву сопротивляться ”материалистическим течениям” (т.е. коммунистической идеологии) сопутствует решительное предостережение от связи с вооруженным подпольем. Это призыв не столько к политической, сколько, так сказать, к нравственной и философской оппозиции. Такая программа вытекала из реального положения в стране. В 1948 г., через год после сфальсифицированных выборов в Сейм, были ликвидированы последние остатки политического плюрализма. Еще в сентябре 1946 г., перед выборами, епископы призывали католиков голосовать ”только за таких лиц, списки и избирательные программы, которые не противоречат католической доктрине и нравственности”. В 1948 г. перед поляками больше не было возможности делать какой бы то ни было выбор. Власть коммунистов — и в действительности, и в массовом сознании — укрепилась без всякой надежды на ниспровержение. Программа епископов была программой выживания и умеренности. ...

Тон пастырских посланий 1949 г. уже иной. За год наступило резкое обострение международной обстановки. Начался конфликт Сталина с Югославией. В Польше объединили ППР и ППС и начали резкую кампанию против ”право-националистического уклона”. Была провозглашена программа коллективизации и политика заострения партийной бдительности, что было тождест-

венно нарастанию полицейского террора. Все это отразилось и в политике государства по отношению к Церкви. Свидетельство тому дают как правительственные публикации, так и церковные документы. ”14 марта 1949 года, — читаем мы в книге Миколая Ростворовского ”Слово о ПАКСе” (Варшава, 1968), — секретарю польского епископата, епископу Зыгмунту Хороманскому было передано заявление министра общественной администрации по вопросу об отношениях между государством и Церковью. В заявлении нагромождались обвинения в ”усилении враждебной правительству и народному государству деятельности определенных групп духовенства”. ”Правительство не потерпит никаких подрывных действий”, — утверждалось в заявлении. ...

Программа епископов была, несомненно, программой защиты Церкви. Тот или иной из пунктов этой программы может показаться нам реакционным и неприемлемым. Будем, однако, осторожны в таких суждениях, ибо здесь легко дойти до нелепицы. Вот хотя бы один пример аргументации, достаточно распространенной среди левой интеллигенции. Один публицист, описывая политику епископата, писал в 1964 г.:

” На одном из заседаний епископата в мае 1946 г. церковные власти высказались по поводу ряда антисоциалистических выступлений в нашей стране, в том числе по поводу инцидентов, организованных традиционными силами реакции под флагом антисемитизма. Когда Лига борьбы с расизмом обратилась к епископату с просьбой осудить эти явления, епископы решили, что на письмо Всепольской лиги ответит сам Примас Польши. А Примас заявил, что евреи погибают не как жертвы польского антисемитизма, но как передовые бойцы коммунизма. Конференция епископата не позволила себе обратиться к населению, ибо такое обращение носило бы политический характер.”

Так пишет публицист. Вопрос об антисемитских происшествиях (самым знаменитым из них был погром в Кельцах) достаточно сложен, чтобы разбирать его здесь. Трудно судить о позиции епископата, приведенной в недружелюбном изложении, но можно ли забыть, что католическая интеллигенция, группировавшаяся вокруг ”Тыгодника Повсехного”,⁸ опубликовала за-

явление, безговорочно осуждающее антисемитские эксцессы. Следует также отметить часто приводимую ... версию о том, что эти эксцессы были инспирированы госбезопасностью, а тогда картина вовсе затуманивается. Я процитировал вышеприведенное высказывание, чтобы напомнить читателю, что автор цитируемой статьи — Войцех Помыкало, главный редактор двухнедельного журнала "Выховане", известный своими черносотенными выступлениями, особенно в 1968 году. Обвинение польских епископов в антисемитизме звучит в устах Помыкало настолько гротескно, что не требует полемики и комментариев. Не следует ни на минуту упускать из памяти контекст, в котором формулировались обвинения по адресу Церкви. Сегодня нас может шокировать последовательная защита обучения религии в школе, но учтем, что, памятуя о печальной судьбе Церкви и религии в СССР, епископы справедливо считали, что отмена уроков Закона Божьего в школе будет началом полной ликвидации обучения молодежи катехизису. ...

19 октября 1956 г. начались заседания VII пленума ЦК ПОРП, который вознес Владислава Гомулку на пост первого секретаря. 26 октября в Команчу, где находился под арестом кардинал Вышинский, прибыли близкие сотрудники Гомулки. ... Примас Польши — после трехлетнего перерыва — вернулся в Варшаву и снова стал во главе Церкви.

Освобожденный из тюрьмы Примас Польши не включился в политические баталии. Единственной областью, где Церковь оказала давление, был вопрос обучения религии в школах. Миколай Ростворовский пишет:

"8 декабря было заключено словесное соглашение между правительством и польским епископатом: уроки Закона Божьего будут введены в школах как факультативный предмет для тех учеников, родители которых индивидуально и письменно выразят свое желание обучать детей". ...

Получив власть в партии, Владислав Гомулка тут же начал усмирение "располитиканствовавшего" общественного мнения. Уже в первых его речах появляются атаки на "ревизионистов", на их программу, составными частями которой были

власть рабочих советов, независимые от партии профсоюзы, ликвидация предварительной цензуры, шлюриализм в молодежном движении и т.п.. Стремясь политически нейтрализовать Церковь и католические круги в ходе конфликта с ревизионистами, новое руководство партии, кроме упомянутых уступок, также выразило согласие на восстановление "Тыгодника Повсехного" под "старой" редакцией Ежи Туровича (журнал был ликвидирован в марте 1953 г. и затем передан ПАКСу). Эти тактические шаги власти щедро окупились.

Вскоре после того, как в школах было восстановлено обучение катехизису, на страницах ревизионистской прессы, в том числе и органа "бешеных" еженедельника "По Просту", появились статьи, атакующие нетерпимость законоучителей и дискриминацию детей, не посещающих их уроки. В этих статьях легко заметить критическое отношение к самому принципу обучения религии в школе. ... Атеизм и антиклерикализм были постоянными компонентами идеологии польского ревизионизма. Даже в самых острых критических анализах сталинизма, производимых ревизионистами, преследование религии и Церкви не клеймилось — в нем видели всего лишь ошибочную тактику, которая, сталкивая Церковь на край катакомб, укрепляла "религиозные предрассудки". Я рискнул бы даже сказать, что многие ревизионисты считали серьезное ограничение влияния католицизма и Церкви одним из немногих достоинств эпохи "ошибок и извращений". Имело свое значение и то обстоятельство, что, критикуя партию и партийную ортодоксию, ревизионисты чересчур часто прибегали к аналогиям с католической Церковью. Партия, можно сказать, была для них тем более антипатичной, чем больше напоминала им Церковь. Клеймя иррациональность и фидеизм туманных конструкций сталинского "диамата", ревизионисты выступали как идейные наследники философов-рационалистов. "Фанатической вере" сталинистов они противопоставляли "разум" и терпимость.

В атаках ревизионистов на тяжелую атмосферу в школе после восстановления уроков религии, вероятно, была большая доля истины. Трудно не согласиться с требованием отделения Церкви от государства по французскому образцу. Однако эти нападки и аргументы, должно быть, звучали довольно фальшиво и двусмысленно для ушей католиков. "Как это так? — возникал у

них вопрос. — Это *теперь* в них проснулись защитники терпимости? А где же была столь дорогая им терпимость, когда религиозное обучение затрудняли, когда католическую Церковь преследовали, когда ликвидировали "Тыгодник Повсехный" и сажали в тюрьмы священников?" Вероятно, с точки зрения вчера еще преследуемого епископата ревизионисты выглядели особенно отталкивающе. Только вчера они нападали на религию и епископов, только вчера они были партийными идеологами и восхваляли режим, когда он был особенно жесток, а сегодня, по-прежнему не признавая своей личной ответственности, перекладывая вину на объективные обстоятельства и на кого-то другого, они посыпают чужую голову пеплом и, не снимая все той же тоги моралистов, громят нетерпимость тех, кого они вчера преследовали. Да и сама оппозиционность ревизионистов по отношению к новому партийному руководству должна была вызывать подозрения у натерпевшихся католиков. "Откуда этот нравственный ригоризм у недавних апологетов политики Берута? Почему они так непреклонны по отношению к сравнительно либеральной линии Гомулки, который провозгласил желание уберечь народ от советского вооруженного вмешательства, от повторения между Одрой и Бугом венгерской трагедии?" ...

Уступками, сделанными Церкви, правительство торпедировало любые возможные попытки сближения между церковной иерархией и традиционно католическими кругами, с одной стороны, и ревизионистами, с другой.

* * *

Публичные высказывания епископата первых послеоктябрьских лет характеризуются аполитичностью, умеренностью формулировок и даже некоторой доброжелательностью по отношению к режиму. ... Всякие конфликты между правительством и иерархией оставались в тени.

Это не означает, что таких конфликтов не было...

В июне 1962 г. епископат опубликовал документ под названием "Современная секуляризация". В этом документе ... сделано различие между секуляризацией как объективным, типичным для нашей эпохи феноменом естественного обмирщения и секуляризацией как "организованной деятельностью, направленной

на ускорение процесса обмирщения и на руководство этим процессом". Во втором своем значении секулярное движение в Польше, по мнению авторов документа, — "политическое движение, ибо оно подчинено политическому планированию, руководимо политическими инстанциями, поддерживается и проводится в жизнь административными средствами. ... Это движение тоталитарное, ибо оно стремится подчинить своему влиянию все проявления общественной, семейной и личной жизни и исключить из нее любые суждения и оценки, основанные на религии. Это движение не оставляет свободы выбора. Все дети и вся молодежь могут учиться только в школах, работающих на секуляризацию. ...

Гомулковское руководство, скорее всего, никогда всерьез не планировало длительного сосуществования между Церковью и государством. Заявления и уступки 56-го года были тактическими шагами, вызванными сложной политической ситуацией и слабостью нового руководства. Чем прочнее становилась политическая стабилизация, тем больше нарастали антицерковные репрессии. ...

Обострение конфликта между государством и церковью было и следствием и одним из направлений всей политики властей на ограничение демократических свобод. Прежде, чем по Церкви, эта политика ударила по "ревизионистским" кругам, проще говоря — по не католической интеллигенции.

Отход от лозунгов и практики польского Октября начался сразу же после того, как Гомулка пришел к власти. После газетных нападков на ревизионистов наступили административные мероприятия. Ровно в первую годовщину VIII пленума, который сделал Гомулку первым секретарем, был ликвидирован весьма популярный еженедельник молодой интеллигенции "По Просту". Чтобы разогнать студенческие митинги протеста, использовали милицейские отряды, которые вели себя крайне жестоко. Тогда же ликвидирован — еще до выхода первого номера — литературный журнал "Европа". Это вызвало выход из партии нескольких видных писателей (Ежи Анджеевского и других). Практически был ликвидирован в начале 1958 г. еженедельник "Нова Культура". Когда ему стали навязывать новую идейную линию через представлявшего партийное руководство Анджея Вербляна, ушла почти вся редакция. ... К 1961 г. лишились руководя-

щих постов представители либерального крыла партии. ... В то же самое время перестал быть председателем Союза писателей Антоний Слонимский. Активизируются политическая полиция и прокуратура — об этом свидетельствуют аресты и процессы начала 60-х годов. В начале 1962 г., используя полицейскую провокацию, ликвидируют Клуб Кривого Колеса, один из последних пережитков Октября, одну из последних подлинных аудиторий свободного слова в Польше. В 1963 г. закрыт "Пшегленд Культуральный", еженедельник, сохранявший некоторую независимость от первобытно-националистических тенденций партийного аппарата. На XIII пленуме ЦК ПОРП (июль 1963) была провозглашена борьба с "враждебными тенденциями" в науке и культуре. Распустили дискуссионный клуб в Варшавском университете и "Клуб искателей противоречий", организованный старшими школьниками. Усиливающиеся цензурные ограничения привели к резкому конфликту между партийным руководством и интеллигенцией. Внешним проявлением этого конфликта был громкий скандал вокруг "письма 34-х".⁹ Осенью 1964 г. прошел процесс Мельхиора Ваньковича, летом 1965-го — Яна Непомуцена Миллера. Той же осенью 1964-го возникло первое громкое дело Куроня и Модзелевского — в июле 65-го Куронь был приговорен к трем, Модзелевский — к трем с половиной годам. Вскоре после их процесса дисциплинарная комиссия Варшавского университета провела чистку связанных с ними студентов.

Все эти репрессии вызывали новые протесты, против политики властей публично высказались виднейшие представители польской интеллигенции. Год 1966-й застал левую некатолическую интеллигенцию в решительной ссоре с властями. ... Официальная политика властей никому не позволяла лелеять надежды на честный компромисс.

* * *

На переломе ноября-декабря 1965 г., когда заканчивался Ватиканский собор, польские епископы направили воззвание к немецким епископам, которое долго оставалось предметом многочисленных комментариев и споров. ...

"Христианский симбиоз Церкви и государства, — читаем мы в "Воззвании", — существовал в Польше с самого начала и никогда, собственно, не был разорван. Со временем это привело к по-

чти всеобщему у поляков образу мыслей: что "польское" — то и "католическое". Отсюда родился и польский религиозный стиль, где религиозный фактор тесно переплетен с фактором национальным, со всеми положительными и со всеми отрицательными его сторонами". Не часто случалось мне обнаруживать в церковных документах столь открытое признание изъянов, заключенных в понятии "поляк-католик".

Несколько дальше, говоря о связях средневековой Польши с Западом, епископы подчеркивают участие иноземцев в создании польской культуры. Они пишут о немецких купцах, архитекторах, художниках, "из которых многие полонизировались, сохранив свои немецкие фамилии". ... "Поляки глубоко уважали своих братьев с христианского Запада, которые прибывали к ним как послы истинной культуры. Поляки не обходили молчанием их непольского происхождения. Воистину нам есть за что благодарить западную, в том числе и немецкую, культуру". Такой образ нации и национальной культуры, свободный от шовинизма и ксенофобии, должен быть близок левой интеллигенции. Он совсем непохож на нередкую в католических кругах националистическую концепцию польского духа, свойственную национал-демократам. И не случайно епископы подчеркивали свободолобивые и толерантные традиции польской культуры, не случайно напоминали, что польским девизом было "За нашу и вашу свободу".

Присоединяясь к этой толерантной и свободолобивой линии польской истории, епископы отважились сделать из традиции злободневные выводы, а именно: взяли на себя труд отделить нацизм от немецкой нации. ...

"Мы хорошо знаем, какому нечеловеческому нацистскому давлению подвергалось большинство немецкого населения. Мы знаем, какие страшные внутренние муки пришлось испытать достойным, исполненным ответственности немецким епископам, — достаточно вспомнить кардиналов Фаульгабера, фон Галена и Прейсинга. Мы знаем о мучениях "Белой Розы", о бойцах сопротивления 20 июля, мы знаем, что множество мирян и священников пожертвовало своей жизнью. ... Тысячи немцев, христиан и коммунистов, разделяли в концлагерях судьбу наших польских братьев... .

Вот именно поэтому — попытаемся забыть. Хватит полемики, хватит холодной войны, время начать диалог, к которому повсюду нынче устремляется Собор и Папа Павел VI. Если по обе стороны найдется добрая воля, ... то серьезный диалог может получиться и дать со временем добрые плоды”

Непрекращающейся критике Церкви в средствах массовой информации сопутствовали административные репрессии. ...

Тон правительственной пропаганды и методы местной администрации напоминали преследования Церкви в эпоху культуркампфа. Poleмика соперничала с худшими образцами сталинской эпохи.

И в этой ситуации люди из кругов не католической левой интеллигенции вели себя, в лучшем случае, пассивно. ...

Левая интеллигенция была склонна толковать борьбу Церкви как борьбу за конкретные привилегии для нее. Тем временем, для властей речь шла не о каких-то церковных привилегиях — давным-давно ликвидированных, — но о том, чтобы терроризировать общество, пропитать массовые умонастроения ксенофобией, сплотить народ вокруг шовинистских лозунгов, отождествить в массовом сознании христианские и гуманистические ценности, защищаемые в ”Воззвании” епископов, с идеологией национального предательства. Все антитоталитарное с этих пор должно было неразлучно ассоциироваться с антинациональным. Одним словом, снова была поставлена задача тотально овладеть духовной и общественной жизнью поляков. Следующим этапом ее осуществления — на этот раз за счет не католической интеллигенции — были ”мартовские события” 1968 года.

Здесь не место для подробной истории ”мартовских событий” и погрома интеллигенции, проводившегося под флагом антисемитизма. Нас интересует общепринятое мнение о позиции епископата относительно этих событий. Согласно этому мнению, епископат счел тогдашние выступления интеллигенции и студенчества одним из внутренних споров между коммунистами, а антисемитский погром и антисемитскую демагогию — продолжением партийного сведения счетов. ...

(Но из документов епископата) следует, что епископы открыто выступили на стороне преследуемых людей и ценностей и против преследователей; что они взяли под защиту оппозици-

онную интеллигенцию и протестующее на митингах студенчество, что они осудили насилие и ложь. ... Максимальный возможный упрек — это некоторая их неконкретность, излишняя обобщенность, чрезмерная лаконичность. В других случаях ... польские епископы отваживались куда шире аргументировать, куда резче называть вещи своими именами. Но — левые и не католические критики позиции епископата в 1968 г.! — вспомним-ка о нашей собственной реакции за два года до того, во время антицерковной облавы, и сравним наше тогдашнее поведение с поведением епископов во время ”мартовских событий”. Может быть, это позволит нам увидеть истинные масштабы наших претензий. Прежде чем искать соломинку в чужом глазу, не забудем о бревне в нашем.

После всех этих критических замечаний и оговорок по адресу моему и моих идейных друзей следует, считаю, искренне высказать и критические замечания по адресу епископата. Скажу прямо: в выступлениях епископов не хватило, на мой взгляд, однозначного осуждения официально пропагандируемого антисемитизма. Думаю, что в тогдашней ситуации мало было одних намеков. Поймите меня правильно: я не думаю, что еврейский вопрос был тогда центральным и важнейшим. Он не мог быть таким в стране, практически лишенной еврейского населения. Разнузданная антисемитская кампания должна была не столько ударить по остаткам евреев, уцелевшим после гитлеровского ада, сколько разжечь национализм и ксенофобию, заслонить действительные причины социального кризиса, отучить поляков от рационального мышления и сделать их соучастниками преступления. Именно поэтому антисемитизм становился столь существенной проблемой.

Я пытаюсь понять истоки сдержанности Церкви. Во-первых, недоверие. Надо сказать, у епископов не было особых причин симпатизировать интеллигентам, которые не только до Октября выступали против Церкви и христианства, не только порядочный кусок жизни провели в рядах партии, но, к тому же, и непосредственно перед мартовскими событиями не скрывали своей неприязни к Церкви; не только не протестовали против направленных на Церковь репрессий, но и пописывали в журналах, специальностью которых был атеизм. Не было у епископов причин и для симпатий к разрекламированной в прессе группе студенче-

ства вокруг Куроня и Модзелевского, поскольку программный документ этой группы, так называемое "Открытое письмо к ПОРП", обладал всеми приметам антицерковного обскурантизма левых (ибо обскурантизм бывает как церковное, так и антицерковное!). И левые некатолические интеллигенты, и упомянутая группа студентов (т.н. командосы) во многом были чужды и враждебны традиционной модели "поляка-католика": критическое, "издательское" отношение к традиции; нелюбовь к восхвалению прошлого, доходящая иногда до преувеличений, до выставления всей польской истории в черном свете; пренебрежение, почти полное замалчивание роли католицизма в национальной культуре, непонимание функции Церкви в социальной жизни. Правда, это были второстепенные, менее существенные элементы в идеологии этих людей и группировок, но... никто из них ничего не сделал, чтобы церковным кругам стало известно их истинное, скорее анти тоталитарное, нежели анти религиозное лицо.

Допускаю, что действительно конфликт левой некатолической интеллигенции с режимом был в глазах епископов проявлением какой-то обострившейся внутрикommунистической интриги в борьбе за власть. В тех же категориях они, наверно, рассматривали и вводимый сверху антисемитизм, который давно уже использовался как орудие внутривластной борьбы. Если такова была оценка ситуации, то не приходится удивляться сдержанности епископата, не приходится удивляться, что епископы не хотели связывать интересы Церкви с темными интригами партийных матадоров. ...

И все-таки, даже памятуя все это, я по-прежнему склонен считать, что эта умеренность была серьезной ошибкой епископата. Ибо, совершенно независимо от фракционных интриг, жертвами расистской демагогии оказывались живые люди — и преследуемые, и те, кого втягивали в антисемитскую авантюру, нравственно калечили и превращали в преследователей. И тем, и другим было тогда крайне нужно выступление епископов против антисемитизма. ...

В 1968 г. вышло наружу все, что есть темного в польской традиции, и прозвучало громко и агрессивно. Оснащенное антиинтеллигентской и расистской демагогией, коммунистическое обскурантизм жестко ударило по польским сторонникам демо-

кратического социализма. Ударяя по демократическому социализму, правящая Тьмутаракань топтала и уничтожала ценности, которые и христианству дороги: правду, свободу, солидарность. Это прекрасно поняли прогрессивные интеллигенты из христианских кругов и, пренебрегши застарелыми спорами, выступили резко, недвусмысленно и конкретно. Я имею ввиду позицию депутатов "Знака". Выступление Ежи Завейского и Станислава Стоммы в Сейме имели огромное нравственное и политическое значение. Еще больше значил бы голос епископата.

* * *

Однако не следует забывать, что для партийного руководства высказывания епископов были столь же недвусмысленными. Согласно партийной оценке, именно епископы, и особенно кардинал Вышинский, были вдохновителями запроса депутатов "Знака".

16 марта 1968 г. радио "Свободная Европа" прочитало текст запроса депутатов "Знака" премьер-министру Юзефу Циранкевичу. Запрос был датирован 11-м марта.

"Глубоко взволнованные событиями 8 и 9 марта в Варшавском университете и в Варшавском политехническом институте, тревожась о спокойствии в нашей стране при сложном международном положении и о надлежащей атмосфере воспитания и образования молодежи, опираясь на ст. 22 Конституции ПНР и ст.ст. 70-71 Устава Сейма ПНР, мы спрашиваем: 1. Что намеревается сделать правительство, чтобы остановить жестокости милиции и отрядов ОРМО по отношению к студенчеству и установить ответственных за эти грубые действия? 2. Что собирается сделать правительство, чтобы по существу ответить молодежи на поднятые ею жгучие вопросы, которые волнуют также широкое общественное мнение, — вопросы о демократических гражданских свободах и о культурной политике правительства?"

Обоснование

Выступления учащейся варшавской молодежи произошли вследствие явных ошибок правительственных органов в области культурной политики. Снятие "Дзядов" с репер-

туара было воспринято, в том числе молодежью, как болезненное, драматическое вмешательство, угрожающее свободе культурной жизни и оскорбительное для национальных традиций.

Мы считаем также, что в пятницу 8 марта можно было избежать происшествий в Варшавском университете. Во время митинга на территорию въехали автобусы с отрядами ОРМО, что неслыханно обострило положение.

В течение 8-9 марта демонстрантов жестоко избивали, нередко до того, что это угрожало жизни. Наблюдались случаи физического измывательства над молодежью, в том числе над женщинами.

Все это крайне возбудило общественность.

Мы обращаемся к гражданину премьер-министру с тем, чтобы правительство предприняло шаги, направленные на политическую разрядку положения. Это требует прекращения грубых действий милиции. Не следует зачислять во враги режима тех, кто, видя эти акты жестокости, протестует против них.

Ни молодежь, ни общество в целом не проявили в этих событиях враждебной позиции по отношению к социализму. Безответственные выкрики, которые имели место, были вызваны поведением отрядов ОРМО и не могут служить критерием для оценки позиции молодежи.

Мы выражаем также свое беспокойство появлением в прессе такого рода истолкований, какие способны только еще больше обострить положение. Подавление демонстраций — не выход, выход в том, чтобы не утратить возможности разговора с обществом. Мы призываем исходить из этого в принятии решений.

Константын Лубенский, Тадеуш Мазовецкий, Станислав Стомма, Янош Заблоцкий, Ежи Завейский."

Попытаемся подвести итог: что же значил запрос депутатов "Знака"? В первую очередь, надо подчеркнуть моральный аспект. Демонстративный запрос "Знака" был защитой людей преследуемых и нуждающихся в защите. Став на сторону избиваемых и оклеветанных, защищая их честь и чистоту их намерений,

депутаты "Знака" признали приоритет нравственных доводов над тактикой и политиканством: они не пытались ... — "таскать каштаны из огня" в разгар политического бурления, но поставили на первое место фундаментальные нравственные ценности. Особое значение имела предпринятая Завейским защита нравственной и интеллектуальной аргументации преследуемых писателей. Я не имею в виду то, что он назвал Слонимского "выдающимся польским поэтом", хотя в тогдашней атмосфере это было актом отваги и солидарности. Я не говорю даже и о следующем фрагменте речи Завейского:

"Я знаю Киселевского и прекрасно знаю, что под маской злословия у него прячется отнюдь не цинизм, наоборот — это человек, глубоко озабоченный жизнью Народной Польши, честный, порядочный и отважный. ... Стефан Киселевский, употребив в ораторском пылу не самые изысканные формулировки (*речь шла о слове "туполубые"* — *Прим. автора*), выступил в защиту того, что, по его сведениям и совести, правильно и важно".

Повторим: в тогдашнем положении такая защита Киселевского требовала исключительной смелости и решимости.

Однако, на мой взгляд, наибольшее нравственное значение имела защита писателей, которые сколько-то лет назад поставили себя на службу соцреализму. В их защиту выступил писатель, который отказался принять программу литературной лакировки, хранил верность своему религиозному мировоззрению и заплатил за это годами молчания и нищеты. Своим выступлением Завейский показал общественному мнению, что людей, которые когда-то были сталинистами, а потом полностью порвали со сталинизмом, обвиняют в сталинизме те, кто никогда не переставал быть сталинистами.

Жест Завейского имел и свое политическое измерение. Благодаря ему, как и благодаря вообще запросу и дальнейшему поведению депутатов "Знака", была обесценена старательно разработанная тактика пропаганды, согласно которой вся "мартовская" оппозиция — сплошные евреи, космополиты и экс-сталинисты. Даже самая бесцеремонная и лживая пропаганда не могла отнести ни к одной из этих категорий Завейского или Стомму. ... Запрос "Знака" открыл новый этап в новейшей истории

Польши. И следует помнить, что, по всеобщему мнению, львиной долей своего значения запрос был обязан позиции епископата и кардинала Вышинского. ...

За последние годы круги левой интеллигенции изменили свое отношение к Церкви. Интеллигенты-некатолики перестали бороться с Церковью, перестали быть пропагандистами официального атеизма. Многие из них публично выразили эту перемену. Антоний Слонимский, нравственный авторитет этого круга, ... ответил коротко: "До войны Церковь была реакционной, а коммунизм проповедовал прогрессивные идеи; теперь — наоборот".

О полной перемене отношения к Церкви и религии свидетельствуют и написанные в последние годы эссе Лешека Колаковско-го, которого левая интеллигенция молчаливо признала своим идеологом.

Кроме того, надо упомянуть, что принцип свободы религии был одним из требований и в письме 15-ти о положении поляков в СССР (декабрь 1974), и в письме 59-ти о проекте поправок к Конституции (декабрь 1975). Оба эти письма были подписаны людьми, связанными с кругом не католической левой интеллигенции, но рядом с их подписями — знамение времени — стояли подписи католических священников. Я считаю это одной из важнейших перемен в польской духовной и интеллектуальной жизни. ...

Многие из моих знакомых, однако, скажут: сегодня Церковь за свободу совести и вероисповедания, за свободу печати и научных исследований, за свободу слова и собраний — пока она сама лишена этих свобод. Но так ли последовательно защищали их епископы в период господства католицизма, в междувоенной Польше? И будут ли они защищать их столь же последовательно, когда католицизм снова будет признан привилегированным вероисповеданием, когда алтарь снова окажется вблизи престола? На это я отвечаю: лишь слепой может не замечать перемен, происходящих в польском католицизме. Достаточно сравнить стиль и уровень довоенной католической печати с уровнем и содержанием "Тыгодника Повшехного", "Вензи" или "Знака", чтобы обнаружить всю грандиозность перемен. Достаточно внимательно перечитать пастырские послания епископата, чтобы найти в них элементы новые, пробуждающие надежду. Однако не это кажется мне самым существенным. И даже не то, что отноше-

ние Церкви к левым остается — и это банальная истина — в тесной зависимости от отношения левых к Церкви. Для меня важны фундаментальные вопросы. Сомнительной была бы наша любовь к гражданским свободам, если бы мы их требовали только для себя. Наша нравственность тогда была бы нравственностью Кали: "Как Кали украл — то и хорошо, а как у Кали украли — плохо". Поэтому наш — левых — политический долг состоит в том, чтобы защищать свободу Церкви и гражданские права христиан совершенно независимо от того, что думаем мы о роли Церкви 40 лет назад и о возможной ее роли через 40 лет. Права человека для всех — иначе их нет ни для кого. Это бесспорно.

* * *

Но это не снимает поставленной проблемы. Одно дело — политический и гражданский долг левых, которые обязаны, иначе им грозит духовное саморазрушение, исповедовать идею неделимых и всеобщих прав человека; другое дело — их тревога по поводу линии поведения Церкви и ее иерархии. ...

Мужья католической Церкви вынуждены будут заявить, что должно быть в этом брэнном мире миссией Церкви — защита Церкви или защита человека? Стремится ли Церковь к подлинной свободе, охватывающей всех людей, в том числе иноверцев и неверующих, или же будет добиваться только, по выражению Ж.-М. Доменака, "свободы для себя, свободы своего культа, своих школ, своей печати"? Считает ли Церковь возможным выделить свободы для католиков из широкой сферы фундаментальных свобод для всех граждан? Далее: стремится ли Церковь — повторяю: в земном, человеческом мире — быть защитницей всех страдающих и преследуемых или же намерена постоянно расширять свои институционные права вплоть до возвращения привилегированного положения в государстве? Жаждет ли она исполнить свою апостольскую миссию в условиях разделения Церкви и государства или же хочет вместе с государственной властью править народом? Наконец: захочет ли она удочерить политические партии, созданные по религиозному признаку, или же, отделяя "Божье" от "кесарева", ограничится в политике такими общими указаниями, как те, например, что содержатся в энцикликах Павла VI?

... Я должен подчеркнуть, что для не католических левых, а может быть, и для подлинно левых католиков, — это вопросы не теоретические, но как нельзя более конкретные. Настолько, насколько может быть конкретен образ Польши, за который мы боремся. ...

* * *

По правде говоря, на меня мало действуют доводы такого рода: католикам положены свободы (религиозные, культурные, политические), поскольку они составляют большинство в польском обществе. А если бы они были меньшинством? Что, тогда им полагалось бы меньше, хоть чуточку, но меньше гражданских прав? Где же тогда истоки католических притязаний: в количестве сторонников или в принципе неотъемлемых человеческих прав? Права и свободы католиков, думаю я, абсолютно не должны зависеть от числа особ, принадлежащих к римско-католическому вероисповеданию; так или иначе, католикам надлежит та же полнота прав, что и другим гражданам, будь они протестанты, магометане или атеисты. С точки зрения государственного права, вероисповедание должно быть частным делом.

Именно так я понимаю принцип секуляризации: полное отделение Церкви от государства, полное отделение государства от Церкви, полнота гражданских прав. Совсем иначе определяет этот принцип кардинал Вышинский, который называет секуляризацией "чистку верующих граждан и религиозных, католических элементов":

"Это течение выросло на склоне XVIII века и одержало верх к концу XIX-го. Оно стремилось с помощью государственной власти создать светскую школу и мораль и секуляризовать все государственные, общественные и политические механизмы. Термины его заимствованы из французских авторов. ... Выражения *école laïque*, *morale laïque* пошли со времени, когда масонство и политико-экономический либерализм, не считаясь ни с какими нравственными принципами, укрепляли такие стремления прежде всего во Франции. Так что если сегодня столько говорится, читается и пишется о секулярном государстве, то это разогрев старых, прокисших блюд, которых современный человек и не проглотит. Это понятия устарелые. Государственная

власть не имеет такого права, чтобы силой, с помощью социальных и общественных механизмов, пропагандировать так называемую светскую нравственность или светскую ритуальность, особенно в насковозь католическом обществе".

Может быть, дело всего лишь в терминологическом недоразумении. Если секуляризацией называть цензурирование и калеченье национальной культуры путем ликвидации ее религиозных традиций, если секуляризацией называть государственное насилие в уничтожении католических обычаев и насаждении новых, — трудно не согласиться с кардиналом Вышинским. Такая "секуляризация" — всего лишь еще одна маска тоталитарного насилия. Однако слова кардинала Вышинского можно понять как критику самого принципа разделения Церкви и государства. Страшное смешение понятий в нашем языке, все больше становится слов, благодаря официальной пропаганде, которые не облегчают взаимопонимания, но затрудняют его. ...

ПНР — не демократическое и светское государство, но подчиненное определенной идее государство тоталитарное. Непременным условием превращения его в светское или секуляризации (я употребляю эти термины наравне), является ликвидация тоталитарной политической структуры. Секуляризованным государством тогда будет, по определению Доменака, такое государство, где христианин не должен будет "совершать ужасающий выбор между Богом и кесарем". В замысел светского государства входит, чтобы "тот, кто выбрал Бога, ... не был замучен идолопоклонником-кесарем" и никто другой "не был поработен кесарем якобы христианским".

Такая постановка проблемы противоречит долгой традиции представлений о Церкви и государстве. Доменак полностью принимает ситуацию, в которой "государство выходит из рамок Церкви, что и есть секулярность", как об этом пишет о. Жак Лекрек, профессор католического университета в Лувене:

"В течение всего XIX века большинство католиков жило с мыслью о христианском государстве и с жадной возвратить прежние отношения. Такие люди встречаются еще и сегодня. Как только засветит какая-то надежда в этом

направлении, они с энтузиазмом хватаются за нее. Тень этого падает на все дискуссии”.

В апреле 1962 г. — здесь это уместно напомнить — польские епископы писали:

”Средствами богатыми мы не располагаем, силой материальной не обладаем, и за это последнее Бога благодарим, ибо мы свободны даже от искушения силу эту использовать”.

В августе 1963 г. — ... епископы заявили:

”Мы достаточно наслушались упреков, что в прежних поколениях иерархия и духовенство поддерживали бранные престолы и купались в их сиянии. Быть может, и такое бывало. Тем более, делая вывод из этого прошлого опыта, мы должны держаться как можно дальше от престолов и от сильных мира сего”.

В помеченном 22 марта 1968 г. документе о секуляризации можно прочитать:

”Мы сознаем, что в современных обществах люди с разными мировоззрениями будут жить рядом друг с другом. ...Церковь часто обвиняют в том, что она не хочет признать существования современного мировоззренчески дифференцированного общества. Это не соответствует истине. Истина же в том, что мы не можем согласиться с использованием власти управления в государстве для того, чтобы навязывать гражданам материалистическое мировоззрение. Церковь не отягощает светские власти заботой о Царствии Небесном; Церковь не жаждет привилегированного положения — она добивается только справедливо надлежащих ей прав, добивается настоящей свободы продолжать дело Иисуса Христа. ...

Ныне становится все более и более общепризнанным, что современное государство не должно предоставлять никаких привилегий ни одной системе философии, идеологии, культурным или художественным направлениям. Когда же, как это имеет место в случае навязанной секуляризации, государственные власти включаются в борьбу на сто-

роне материалистического мировоззрения, используя для его распространения административный аппарат и государственные механизмы, тогда мы вынуждены сказать: мы — против. Благо общества и принципы всеобщей справедливости требуют, чтобы люди с разными мировоззрениями сосуществовали друг с другом, пользуясь равными правами во всех сферах, без применения светскими властями дискриминации и административного нажима на верующих”...

Если можно рассматривать эти заявления как доказательство отказа Церкви от стремления приобрести, в какой бы то ни было форме, материальную силу в будущем, то они идут навстречу глубочайшим пожеланиям некаатолических левых и освобождают их от многих тревог. Тогда я охотно соглашусь, что, противопоставляя рассуждения Доменака цитированному высказыванию кардинала Вышинского, я веду бой с ветряными мельницами. Я хотел бы, чтобы так и было. Но это не освобождает от других сомнений, порождаемых приведенным отрывком. ...

Чего я не понимаю, это аргумента, что какие-то идеи ”заимствованы” из Франции. Думаю, что изоляция и враждебность к чужеземным идеям по причине их чужеземности — это та традиция нашей духовной жизни, которую, действительно, не стоило бы продолжать. Отсюда уже остается только шаг до излюбленных тоталитарными диктатурами обвинений в космополитизме. Не обошлись без таковых и христиане, хотя, следует заметить, христианская религия по происхождению не польская и не славянская и тоже в наших землях откуда-то ”заимствована”.

Несправедливо односторонней мне кажется оценка либерализма. Действительно, либеральные идеи в XIX веке оказались в остром конфликте с Церковью, но трудно свести их к этому и сделать из этого конфликта единственную точку зрения. Антиклерикализм либералов в те времена по праву определял отношение к ним Церкви — в эпоху тоталитарных диктатур это перестало быть самым главным. Важнее, по-моему, то, что именно либералы сформулировали на внецерковном языке принципы свободы совести и вероисповедания, прав человека, идей терпимости и парламентарной системы. ...

Либеральные идеи, если подойти к ним доктринально, для Церкви неприемлемы. Но такой подход не единственно возмож-

ный. Доктринально Церковь не признает и других вероисповеданий, однако вступает с ними в диалог. Напомним: принцип человеческой свободы, согласно классику либерализма Дж. С. Миллю, основан на свободе совести и вероисповедания, свободе мысли и чувства, абсолютной свободе мнения и суждения во всех практических или философских, научных, моральных или теологических сферах. От этого неотделима практическая свобода выражать и делать публичными свои убеждения. Милль писал:

”Этот принцип требует свободы вкусов и занятий: выработки плана нашей жизни в соответствии с нашим характером; ... свободы объединения личностей в любых целях, не наносящих вреда другим. ... Ни одно общество, в котором эти свободы ... не соблюдаются, не свободно, вне зависимости от формы его правления; и ни одно общество не свободно полностью, если эти свободы не признаны без всяких оговорок. ...

Придерживаться строгих правил справедливости, учитывая существование других людей, — это развивает чувство и способность поставить целью благо других. Но когда мы ограничиваем человека в вещах, которые никого другого не затрагивают, — просто потому, что они кому-то не нравятся, — мы не развиваем ничего ценного, кроме силы характера, вырабатываемой в сопротивлении этим ограничениям. Если же человек на них соглашается, он притупляет и обедняет всю свою природу. Желая дать равные шансы натуре каждого, надо позволить разным людям вести различный образ жизни. Чем шире была эта свобода в каком-либо столетии, тем более это столетие заслуживало внимания потомков. Даже деспотизм не дает нам ощутить своих наихудших последствий, пока индивидуальность сохраняется под его правлением; а система, которая подавляет индивидуальность, — всегда деспотизм, вне зависимости от того, как она себя выражает и что она выдает за свою цель: исполнение Божьей воли или человеческих приказов”...

Не случайно в языке коммунистической пропаганды упрек в ”либерализме” принадлежит к самым тяжким. Вожди Пере-

дового Строя прекрасно понимают — часто лучше, чем мужики Церкви, — что идеи духовных наследников Милля острее всего нацелены против их тоталитарной власти, ломающей характеры и разрушающей совесть, а не против христианской религии и Церкви. Идея светского государства перестала быть антицерковной и стала антитоталитарной. Открытый конфликт либеральной интеллигенции с Церковью стал — надо надеяться, навсегда — завершённым эпизодом истории Европы. Идеи Церкви, идеи соборной конституции „Gaudium et spes” и папских энциклик Иоанна XXIII и Павла VI ни в чем не угрожают людям, исповедующим либеральную концепцию прав человека. Наоборот: в принципиальных проблемах земного устройства, а особенно по вопросу отношения к принципу неотъемлемости прав человеческой личности, стремления христиан и духовных учеников Милля тождественны.

Кто — теперь и здесь, в Польше, — во имя защиты свободы человека борется с католической Церковью, тот либо невежда, либо не либерал. Так может поступать либо тупица, либо вооруженный либеральной фразеологией рыцарь тоталитарно-атеистического ретроградства. Ибо либерал — всегда на стороне защитников прав человека.

В этом контексте мимоходом упомяну еще о масонах. Их тоже кардинал Вышинский, пожалуй, незаслуженно обидел в своей проповеди. Его высказывание отягощено очень старым и крайне несправедливым стереотипом. ...

Вольные каменщики были либералами, они стремились к демократическому и светскому государству, что вызывало враждебное к ним отношение церковной иерархии. Однако повторим: отношение к Церкви не должно быть единственным критерием оценки какого бы то ни было идейного движения — даже для епископов. Тем более, что с Церковью было о чем поспорить. Случаи ”поддержки престолов” Церковью, по выражению польских епископов, происходили неоднократно. Осуждаемые Церковью вольные каменщики вписали прекрасные страницы в польскую историю, создавая культурные ценности и непреклонно защищая права человека и гражданина. Поэтому они заслуживают и уважения, и объективного суждения. Зато проводимая коммунистической властью под лозунгом ”секуляризации” акция уничтожения национальной культуры и обычаев не

имеет ничего общего с масонскими традициями. Фартуки, ма-стерки и циркули вольных каменщиков не вводились насили-ем. Масонские порядки обязывали только тех, кто их сознатель-но выбирал.

Не ради демонстрации исторической эрудиции ввязываюсь я в этот спор. И не потому, что масоны сегодня нуждаются в защи-те, ибо вот уже лет сорок, как ложи вольных каменщиков в Польше перестали существовать. Зато в нашей стране существу-ет нечто куда более вредное, чем все масонские ложи мира — миф масонского всемогущества. ...

А в ситуации, когда масонов нет, каждый может оказаться масоном по назначению прессы — как в 1968 г. каждый мог быть зачислен в евреи. Миф "всемогущего масонства" может оказаться весьма удобным для коммунистической верхушки: он позволяет сослаться на таинственную мафию, ответственную за очередные "временные трудности" или экономический кризис. Это опасный миф: он культивирует бездумность, укрепляет об-скурантство. В кризисных ситуациях его опасность повышает-ся: с его помощью можно — наподобие антисемитизма — разжи-гать антиинтеллигентские страсти, способствовать поискам "коз-лов отпущения", облегчать тоталитарную демагогию. Атаки Це-ркви на "либералов и масонов" — прибавлю в заключение и это — традиция недобрая, для неверующих левых они ассоци-ируются с атаками на самые дорогие для них ценности: на сво-боду, на терпимость, на права человека. В них звучит эхо про-шлого, полного конфликтов и травм.

Названные ценности левых выросли — и это общеизвестно — из традиции христианской. Эти ценности ныне провозглашаются и защищаются Церковью, что нашло выражение в решениях Со-боров, в пастырских посланиях польских епископов, в той иног-да одинокой, но всегда непреклонной защите свобод, терпимо-сти и прав человека, которую ведет Примас Польши. Но слиш-ком долгое время не католические левые и Церковь понимали эти ценности и их защиту по-разному. В глазах левых эти цен-ности нуждались в защите от Церкви, ибо идеи прав человека и стремления Церкви оказывались на разных берегах. Результа-том этого было расщепление национальной культуры: поляк-ра-дикал, оснащенный идеей прав человека и светской моралью, и поляк-католик, сознающий свой долг перед Богом и отечеством,

или каждый своим путем. Доходило до драматических кон-фликтов. ... Только коммунистический тоталитаризм и сознание того, что под угрозой оказались общие ценности, — только это сблизило левых с Церковью и христианством. Ибо оказалось — вопреки прежней уверенности обеих сторон, — что ценности, дей-ствительно, общие. И никто из мужей Церкви не станет сейчас утверждать, что левые этих ценностей не защищают. Во имя их защиты многие духовные дети "либералов и масонов" подписа-ли вместе со священниками письма о проекте поправок к Кон-ституции, которые в принципиальных требованиях, заметим, совпадали с выступлением по этому поводу епископата. Это совпадение было показательным проявлением того, что встреча состоялась. Одновременно Церковь сделала благородный и даль-нозоркий жест: епископат взял под защиту тех, кто подвергся репрессиям за подписи под этими письмами. ...

Путь к этой встрече был сложным. ... Разрядка застарелых конфликтов и травм пойдет не быстро. Однако если встреча не-верующих левых с христианством должна быть подлинной, то единственной целью споров о прошлом могут быть поиски прав-ды. Лишь бы так было. Для одних это "временное перемирие", или тактическое соглашение. Для других, в том числе для пишу-щего эти слова, встреча левых с Церковью, с христианством — это, прежде всего, огромная удача для польской культуры. Она создает надежду ... на то, что исчезнет жестокое деление на два лагеря: католический и не католический, — уступив место плю-ралистическому единству нашей культуры. От этого выиграют все. Католики останутся католиками, неверующие — неверую-щими, но гнетущий климат гетто хотя бы частично, да исчезнет. Вот почему левых беспокоят нападки Церкви на масонство.

На все эти рассуждения можно ответить, что это утопическая греза. Но чем же, как говорит Слонимский, была бы наша жизнь без грез? ...

Стоящие у власти коммунисты осуществляют долгосрочную программу культурной политики — по существу, план советиза-ции, то есть опустошения и тоталитарного подчинения польской культуры. Если им удастся воплотить этот план в жизнь, поляки превратятся в людей со сломанным хребтом, поработанным умом, распавшейся совестью. Они перестанут быть нацией, ста-нут скопищем людей, говорящим на польском варианте совет-

ского языка рабов. Существо явления, которое я вслед за Колаковским называю *советизацией*, основано на стремлении так сформировать польские умонастроения, чтобы всякая мысль об изменении существующего положения дел казалась иррациональным абсурдом. Это самая опасная форма диктатуры, ибо она основана не только и не столько на лишении человека физической свободы, сколько на уничтожении его свободы духовной. Советский раб чувствует себя свободным и горд своей "свободой".

В классической системе советского типа культура — это не источник конфликтов, порождающий новые идеи, вдохновляющий критическую мысль, активизирующий стремления людей к свободе и подлинности, но опасный — опаснее открытого террора — инструмент в руках диктаторской власти. Путем организованной лжи, с помощью средств массовой информации, превращенных в средства массового уничтожения человеческого ума и совести, советского типа "культура" стирает различия между оценкой и описанием, действительностью и ее пропагандистским изображением, притупляет общественную чувствительность, губит умение самостоятельно мыслить. Советизация — это ликвидация грамотности, ибо свобода печати имеет значение только там, где люди умеют читать, а о свободе выражать убеждения имеет смысл говорить только тогда, когда человек в состоянии иметь и сформулировать собственное мнение. Советизированный человек лишен этого умения, он не будет бороться за свободу, ибо она ему ни на что не нужна. Советизированный человек не сумеет даже объяснить как следует, что по-настоящему значит это странное слово, ибо он — бессознательный пленник советского языка.

Советизация языка — существенный этап советизации культуры. Слова теряют первоначальный смысл. "Свободой" называют несвободу, "правдой" — ложь, "процветанием" — нищету. Орвелл назвал этот язык "новоречь". Советская "новоречь" взнуздывает граждан эффективней, чем террор. С помощью "новоречи" воспитание превращается в дрессировку, а социальная критика перестает быть возможной: из языка исчезают категории, позволяющие анализировать и оценивать социальную действительность путем соотнесения с "внешней", "вне" или "сверхсистемной" структурой. Исчезают слова. Исчезает слово

"плюрализм" — в советском мире господствует "единство мыслей и действий"; исчезает слово "диалог" — вся правота на одной стороне; исчезает слово "Бог" — честь воздают только кесарю.

Прогрессирующей советизации сопротивляются все люди доброй воли, все, для кого такие слова, как *правда, солидарность, свобода и родина*, не превратились в пустозвонную демагогию. Последовательнее всех сопротивляется Церковь. Направленность и программа этого сопротивления — сегодня дело первостепенной важности, ибо Церковь оказалась на развилке дорог. Церковные деятели должны решить, ... является ли их целью заменить официально провозглашаемую тоталитарную и интегральную концепцию "социалистической" культуры столь же интегральной доктриной "католической культуры" или же они просто хотят создания условий для свободного развития всей национальной культуры. Чего конкретно они хотят: защитить уничтожаемую культуру и ее плюрализм или же только освободить место для того, что называется католической культурой? ...

Католицизм как религия может вдохновлять и вдохновляет различных творцов культуры. Но культура есть единство. Нет культуры католической, протестантской, культуры неверующих — есть лишь польская культура. Именно такую, плюралистическую, но понимаемую как единство, мы и должны защищать.

И мы, не католические левые, должны защищать ее вне зависимости от линии поведения, которую выберет Церковь. Скажем себе четко и ясно: конфискацию всякой книги, в том числе и религиозной, мы должны рассматривать как конфискацию своей собственной книги; всякую политическую репрессию — как репрессию, ударившую прямо по нам; всякого преследуемого защищать как самого близкого друга. Только тогда мы сохраним верность своим идеям. Все прочее — от лукавого.

* * *

Процесс советизации идет по двум колеям, происходит, так сказать, на двух фронтах и имеет двойные последствия. Первая колея советизации — попытка *уничтожить традиции*, вылопотить из коллективной памяти все, что известно ей о сложном

прошлом нашей страны, о культуре ее, о ее неуловимых и неотъемлемых свойствах. ...

Политика уничтожения традиций приводит к тому, что не переиздаются фундаментальные исторические труды прошлого и начала нашего века. Целые исторические пространства остаются белым пятном. ... Полный запрет наложен на всю историю католической Церкви XIX века, а трагедия униатов стала более запретной темой, чем была в царской империи.

В результате такой политики ... историческое сознание большинства начинает напоминать бесформенное глиняное месиво.

Другая колея советизации — стремление сформировать из этого глиняного месива новый, фальсифицированный образ действительности в людских умах, попытка сконструировать новый советизированный образ прошлого и настоящего нашего народа. Таким смыслом наполнено постоянное вплетание в кастрированную и изуродованную культурную традицию совершенно новых нитей. Все, что случилось в прошлом и так или иначе может пригодиться новой власти, инкорпорируется ею и вписывается в новый идеологический контекст: от битвы под Грюнвальдом до Феликса Дзержинского. Все события и биографии изменены до неузнаваемости, все отпрепарированы и отретушированы. Все исторические персонажи оказываются в равной степени предтечами идеалов коммунистической власти, всем им по ночам снилась тоталитарная модель социального устройства.

Так возникает новый канон польской истории. Лживый, но общеобязательный, строго охраняемый цензурой, разносимый пропагандой в массы... Государство должно обладать монополией на истолкование исторического значения конституции 3 мая, романов Жеромского и "Свадьбы" Выспанского. Государство должно обладать монополией на канон, страшный канон советизированной культуры. И вот с одной стороны — грязная кашлица случайных сведений, глиняное месиво разрушенной традиции, с другой — вылепленные из этого месива и кашлицы идолы новых мифов и культов, основанных на лжи. Христианин сказал бы: изгоняют из алтаря Бога, чтобы воздвигнуть там кесаря. Вот к чему ведет советизация.

Защитит от этого подлинность. Когда власть стремится монополизировать всю культуру — всякий подлинный жест, всякая подлинная эмоция, всякое в подлинности рожденное произведение науки или искусства — антитоталитарны. ...

Польская культура давно сопротивлялась разрушительному действию советизации. Сопротивление продолжается в обоих направлениях: как защита подлинной традиции от разрушения и подмены и как резкая полемика с вылепленным по советскому образцу идолом нового канона. ...

Оба течения нужны, оба позволяют подлинной польской культуре выжить — это два пути к пониманию народом правды о себе самом. Оба необходимы и народу и друг другу. Продолжатели не позволяют национальному сознанию стать развеянным песком или советским месивом. Однако без постоянной критики, бдительного сомнения это течение подвергается опасности стать провинциальным, косным, некритичным и интеллектуально обмельеть. Ниспровергатели, в свою очередь, выявляя абсурд языка пропаганды и официальных стереотипов, разоблачая газетную действительность и издеваясь над глиняными идолами по-советски препарированной традиции, не позволяют традиции окостенеть в массовом сознании. Но, сведя сопротивление советизации к одному ниспровергательству, т.е. только к антитезе, можно прийти — скажем открыто и это — к полному релятивизму, к неверию в любые этические нормы или в активно-патриотическую позицию. Так что правильно было написано кем-то: "Гармония возможна лишь в разнообразии — один тон аккорда не даст". ...

Не мне давать советы, какую позицию должна занять Церковь по отношению к секуляризации и к неверующим кругам, но я чувствую себя вправе высказать предположение, что для этих кругов только тогда Церковь станет авторитетом, когда она поднимет подлинные проблемы, волнующие их, когда она заменит позицию враждебной самозащиты позицией доброжелательного диалога. ...

Вот и произнесено слово "диалог". ... Слово многозначное, им нередко злоупотребляют, его по-разному толкуют; идея, которую объяснить просто, а по-настоящему реализовать — трудно. ...

Этот диалог — подчеркнем — нечто совсем иное, нежели разговоры редакции "Аргументов" с редакцией "Вези". На интеллектуальном уровне речь идет скорее о том типе диалога с христианством, который представлен в эссе Колаковского о Христе.

Этот диалог вдохновлен совершенно иными принципами, чем встречи западноевропейских христиан с представителями итальянской или французской коммунистической партии. Наш путь к диалогу прокладывали не те, что совместно возмущались ужасами капиталистической системы и мелкобуржуазного парламентаризма, а за критерий прогресса принимали положительное отношение к СССР и странам "народной демократии". Было бы совершенным недоразумением относиться к нашему диалогу как к своеобразному польскому варианту концепций типа Paulus Gesellschaft. Западноевропейские католические сторонники прогресса и социализма, к сожалению, не понимают, что такое быть прогрессивным католиком, будучи поляком, русским или, не дай Боже, литовцем. Пока я не увижу, что это стало им ясно, я буду вынужден считать слишком мало пригодными для Восточной Европы размышления иностранных "прогрессивных католиков"....

Я не могу доверять людям, которые видят эксплуатацию, угнетение и несправедливость только на строго определенных географических широтах, долго рассуждают об исторических злоупотреблениях христианства и католической Церкви и в то же время обходят молчанием либо эвфемизмами политическую практику коммунистов в СССР. Пока они не начнут явно и недвусмысленно бороться с советским тоталитаризмом, я буду подозревать, что они следуют максиме Монталамбера: "Когда я слабее, я требую от вас свободы, потому что это ваш принцип, но, когда я сильнее, я отнимаю свободу у вас, ибо это мой принцип." ...

Будучи социалистом, я противник капитализма. Но, будучи социалистом, я считаю величайшим кошмаром нашего времени, величайшим врагом прогресса, демократии и социализма не капиталистическую систему, но тоталитарные режимы. Все: капиталистические и коммунистические ... страны, где топчут элементарные человеческие права, где во имя высших идеалов — религиозных или мирских — людей уничтожают и оскорбляют.

Когда я говорю о "диалоге" с христианством, я не имею в виду интеллектуального фехтования или тактических игр в борьбе за власть — для меня речь идет об азбуке человеческих ценностей. Ибо генезис польского диалога левых с христианством — это встреча в антитоталитарном сопротивлении.

У этой встречи три уровня: встреча с Богом, встреча с Церковью как институтом, встреча с христианской системой ценностей. С католической точки зрения, несомненно, самая существенная, нередко ведущая к прямому обращению, — это встреча многих вчерашних атеистов с Богом. Разговор это трудный, глубоко личный, интимный. Я не чувствую в себе сил об этом писать, не сумею этого истолковать. Однако совершенно ничего не сказать об этом значило бы обеднить и фальсифицировать проблематику, о которой идет речь. ...

Явление, о котором я пишу, — это не род тактики и не попытка подчинить религию и Церковь определенным политическим целям. ... В этот момент я говорю о тех, кто ищет в трансцендентности внутренний нравственный порядок. О тех, для кого встреча с Богом заново определила смысл жизни. ...

Именно эта сторона новых отношений для христиан важнее всего, для неверующих — труднее всего. Легче признать видимую Церковь, чем целые сферы невидимых и непонятных явлений. Однако, не признав их, не придешь к истинному плюрализму. Без этого христианин будет видеть в неверующем калеку или циника, а неверующий в христианине шарлатана или юродивого. ... И мы обедним нашу духовную жизнь за счет всего, что могло бы быть плодом идейной конфронтации людей, мыслящих по-разному, устремленных разными путями, но к сходным целям: гуманизму и правде.

* * *

Другая сторона новых отношений — исторические перипетии встречи левых с Церковью как институтом. ... Рассматривая проблему, чего ожидают или чего должны ожидать левые от католической Церкви, прежде всего надо определить, чего они не должны ожидать.

Переориентацию по отношению к Церкви и отказ от политического атеизма не следует путать с позицией полного отступничества. Неверующий левый — вовсе не ренегат, который отбросил все вчерашние ценности. Такой ренегат — а их немало в интеллигентских кругах — кидается из одной крайности в другую, проклиная все левое и принимает классические схемы консервативного мышления. Вчера еще член ПОРП, сегодня глашатай хвалы средневековью, в ненависти к коммунизму он до-

ходит до признания крепостного права, заменяет ... "вчерашнюю глупость глупостью позавчерашней". Он куда более католик, чем Папа Римский или Примас Польши. Вместе с тем он явно проявляет свое нежелание участвовать в публичных выступлениях в защиту гражданских прав и старательно избегает таких выступлений.

Я не подвергаю сомнению личную честность некоторых представителей этой тенденции, но я сам представляю тенденцию иную. В навязчивом антикоммунизме и филокатолизме вчерашних членов партии я усматриваю многочисленные опасности. Я думаю, что их антикоммунизм не тождественен антитоталитаризму, — это скорее маска для концепций, враждебных демократическим принципам коллективной жизни и равенству граждан, концепций, отстаивающих консервативный патернализм в общественной жизни. Такая интеллектуальная конструкция в высшей степени облегчает соединение повседневно конформизма с патриотической фразеологией. В рамках ее католическая Церковь — единственная опора, которая защищает народ от советизации, народ же должен свести свое сопротивление до участия в отправлении культа. Тут, думаю, есть и опасность свести религию к ее внерелигиозным функциям, и опасность снять с себя самих ответственность за судьбу своего народа. Ибо миссия Церкви не может заменить политическую и гражданскую активность общества, стремление же к этому указывает на абсолютно утилитарное отношение к религии и Церкви. ...

Нынешний поворот не должен означать, что мы начнем рассматривать Церковь как политического союзника. Церковь — не политическая партия, и всякие расчеты на то, чтобы она выступала в роли партии, столь же нереалистичны, сколь вредны — независимо от того, была бы это партия про- или антиправительственная, правая или левая, консервативная или революционная. Задача Церкви — гласить евангельское учение, а из него невозможно без натяжек вывести однозначную политическую программу. Противоположная точка зрения может привести к злоупотреблению религиозными институтами и самой религией. Евангельское учение — нечто иное, нечто сразу большее и меньшее, чем политическая идеология, не правое и не левое. В правых идеологиях существуют определенные направления, ко-

торые ссылаются на это учение и хотят быть верными его принципам. Такие же тенденции существуют и в лагере левых. Евангельские принципы бывали написаны на знаменах правых и левых, их топтали правые и левые правительства. Евангелие не является чьей-то собственностью. Для христиан это слово Откровения, для неверующих оно должно быть кодексом нерушимых нравственных принципов. Таким образом, если неверующие левые будут верны евангельскому учению, Евангелие будет на их стороне. В этом смысле можно говорить о принципиальном единстве фундаментальных человеческих ценностей между Церковью и неверующими левыми, но это единство, во всяком случае, не тождественно политическому союзу, и можно только пожалеть, если кто-то так его понимает. Это привело бы к отождествлению религии с политикой, к подчинению вневременных функций католической Церкви злободневным планам и политическим интересам лагеря левых. Из истории известно, что из этого никогда не выходило ничего хорошего ни для религии, ни для политики. ...

Так чего же неверующие левые должны ожидать от Церкви? Прежде всего, они сами должны признать ее специфическую, лежащую вне политики и вне брэнного мира, апостольскую миссию. Это не призыв обратиться в христианство — это призыв признать реальность. До тех пор, пока левые будут считать апостольскую миссию Церкви шарлатанством, они не встретят понимания у мужей Церкви. Но до тех пор, пока Церковь будет судить людей только на основе их участия в отправлении культа, она будет встречать в левых принципиального противника. Это неизбежно. Чтобы избежать этого, обе стороны должны признать плюрализм постоянным составным элементом польской действительности. Левые должны наконец понять, что религия и Церковь — не пережитки, не преходящие и угасающие явления, но неотделимая часть социальной, нравственной и интеллектуальной действительности поляков. ...

Неверующие левые находятся в Польше в исключительно трудном положении. Они должны защищать свои социалистические идеалы от манипулирующей социалистическими демагогическими фразами антинародной тоталитарной власти. Тем не менее, именно потому этой защите следовало бы стать твердой, последовательной и бескомпромиссной, свободной от сектант-

ства, от фанатизма, от устарелых схем. Левая мысль должна быть открыта всем идеям независимости и антитоталитаризма – следовательно, христианству и всему богатству христианской религии. Некатолические левые должны жаждать братства со всеми людьми доброй воли и братства с христианами не вопреки их вере, но благодаря ей; их желанием должно стать, чтобы каждый преследуемый христианин видел именно в них, исповедующих внерелигиозный гуманизм, самых близких и самых честных друзей. Только тогда они будут достойны своих великодушных предшественников начала нашего века, только тогда они сохраняют верность своим принципам, только тогда в Польше возродится подлинная социалистическая мысль. Социализм, который я понимаю как интеллектуально-нравственное движение, может возродиться в Польше не в результате темных союзов и двусмысленных компромиссов с внутрипартийными группировками, но в бескомпромиссной борьбе за свободу и достоинство человека, в старательном и честном пересмотре собственного пути. ...

Для нас, для неверующих левых, встреча с христианством вокруг таких ценностей, как свобода, терпимость, справедливость, достоинство человеческой личности и стремление к правде, – это одновременно перспектива неконъюнктурной встречи, идейного единства на новом уровне, возможности заново сформулировать основы борьбы за демократический социализм. Польский опыт в этой области, польское умение сосуществования во взаимоуважении, солидарности и единстве левых, свободных от тупого атеизма, с христианами, свободными от религиозной нетерпимости, может быть полезным и для других левых антитоталитарных движений в других странах и в других частях света.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *"Кузница"* – литературно-общественный еженедельник, издавался в 1945-1950 гг. Основатель и до 1948 г. – главный редактор – С. Жулкевский.

² *ВРН* ("Вольнось – Рувнось – Неподлеглось" – "Свобода – Равенство – Независимость") – название, принятое ППС под немецкой оккупацией. ВРН участвовала в деятельности организаций подпольного Польского государства, была в числе четырех "исторических" партий – членов Комитета полит. координации. В период между июлем 1946 и июнем 1947 прошли массовые аресты членов ВРН, в 1948-1949 – их процессы. Их обвиняли в организации конспиративной партии и деятельности, направленной на насильственное свержение государственного строя ПНР.

³ *"По Просту"* – журнал, основанный в 1947 и до 1955 оставшийся никому неизвестным малотиражным студенческим изданием. В 1955-1957 гг. стал главной трибуной духа "оттепели" и "ревизионизма". Был известен своими постоянными конкретными репортажами о жизни в стране. Закрытие *"По Просту"* в 1957 году было переломным моментом в переходе гомулковского руководства от либерализации к "нормализации".

⁴ *Завейский Ежи* (1902-1969) – прозаик, общественный деятель. До войны актер, театральный инструктор польской иммиграции во Франции, сотрудник Варшавского института народных театров. Во время оккупации участник культурного подполья. После войны католический деятель, с 1957 депутат Сейма, в 1957-1968 член Государственного совета. Член редакций *"Знака"* и *"Тыгодника Повшехного"*. В результате травли, устроенной ему после выступления в Сейме пяти депутатов *"Знака"* (1968), попал в психиатрическую больницу, где покончил с собой.

⁵ *"Знак"* – ежемесячный краковский журнал (основан в 1945), а также группа католических общественных деятелей, писателей и публицистов вокруг него и *"Тыгодника Повшехного"*. После Соглашения между правительством и епископатом 1950 "знаковцы" публично констатировали, что католический лагерь в Польше стоит перед выбором: либо включиться в монолитное политическое движение за построение социалистического общества, либо направить свою активность в такую сферу творческой деятельности, где не приходится брать на себя ответственность за политические решения правящего лагеря, – и выбрали этот второй путь, подчеркивая, что социалистический идеал, имеющий свои положительные стороны, тем не менее, не является их идеалом. "Дискуссия"

прорежимного ПАКСа со "Знаком" кончилась ликвидацией "Тыгодника Повшехного" как органа Краковской курии и передачей его (1953-1955) в руки ПАКСа. Журнал "Знак" был ликвидирован тогда же, в марте 1953 г.

После "Польского Октября" был создан Общепольский клуб прогрессивной католической интеллигенции (23 октября 1956), возобновлены оба журнала и была достигнута договоренность о пяти местах в Сейме для представителей нового движения. Депутатская группа получила название "Знак", перешедшее на все движение.

Некоторые из беспартийных депутатов присоединились к "Знаку", и в Сейме 1957-1961 гг. группа имела в некоторые моменты 10-11 депутатов. На волне "Октября" линия "Знака" была нацелена на сотрудничество с режимом в процессе демократизации, свободного развития христианской культуры в Польше и гармонизации отношений Церкви и государства. При скором повороте гомулковского руководства от "оттепели" к новому напряжению церковно-государственных отношений группе "Знак" в Сейме осталась символическая роль провозглашения католических ценностей с трибуны Сейма и его комиссий, внесения запросов, подачи голоса против некоторых вновь вводимых законов. Депутаты выступали и по социально-экономическим вопросам – наибольшее эхо получили выступления депутата Эбигнева Макарчика о необходимости реформы цен и зарплат (так и до сих пор не проведенной) и депутата Мирона Колаковского против регулярного ужесточения уголовных наказаний, не приводящего к снижению преступности.

Группа "Знак" подчеркивала, что не считает себя ни представительством всей католической общественности в Польше, ни зачатком будущей католической партии, но остается символическим выражением реальных нужд верующих и Церкви. В Сейме созыва 1965 г. группа "Знак" осталась единственным элементом, нарушающим автоматизм голосования. Наиболее яркий случай – запрос "Знака" по поводу жестокого подавления студенческих волнений – приведен в книге. При новых выборах в 1969 г. партия не допустила кандидатуры Завейского, в результате новых перемен представители линии "Знака" остаются в депутатской группе в меньшинстве. В 1976 г. история депутатской группы "Знак" заканчивается: депутатами, без согласования с членскими организациями "Знака", а только по милости партии, становятся те, кто все эти годы вел в кругах "Знака" раскольническую политику. Хотя официально группа сохраняет название "Знак", в Польше ее называют не иначе как нео-"Знак", подчеркивая тем самым ее несвязанность с продолжающим действовать движением "Знака".

В последнее время имена деятелей "Знака" все чаще встречаются на страницах самиздатской прессы, а знаковские журналы давно предоставляют свои страницы писателям и публицистам, подвергнутым цензурному запрету.

⁶ "Вензь" – ежемесячный католический журнал, издается с 1958 г. Философски редакция стоит на позициях персонализма. Связана со "Зна-

ком" и с Клубами католической интеллигенции. Во многих городах существуют дискуссионные клубы "Вензи". При журнале издается также книжная серия "Библиотека "Вензи".

⁷ ПАКС (РАХ) – прорежимная католическая организация. В 1946 г. группа принимала участие в переговорах католических кругов с властями о возможном создании христианско-демократической партии. В конце 1948 г., перед объединительным съездом партии, группа провела кампанию в прессе, смыслом которой было принятие всей социально-экономической и политической доктрины марксизма-ленинизма с оговоркой о мировоззренчески-философском отличии. Это вызвало бурную реакцию католической прессы. В годы сталинизма ПАКС высказывается безусловно за модель социалистического общества, разделенного мировоззренчески, где оба мировоззрения представлены левыми, социалистическими силами: партией и прогрессивным ПАКСом. В 1952-1953 гг., по мере нового обострения отношений епископата и партии, ПАКС и его комиссия через съезды духовенства оказывают давление на епископат, чтобы тот уступал все новым требованиям властей.

Начиная с 1947 г. ПАКС имеет своих депутатов в Сейме. В 1955-1956 гг. ПАКС становится объектом резкой критики. Его обвиняют в том, что он раскалывал Церковь и создавал в стране и за границей ложную картину положения польской Церкви. В то же время от ПАКСа откалывается группа молодых – будущий коллектив "Вензи", осознавших, что искали соединения католичества с социальными идеалами не по адресу. В эпоху "оттепели" ПАКС делает ставку на сталинистов в партийном руководстве. Кровавое подавление Познанского восстания ПАКС оценивает как "сигнал вредности односторонней критики". Внутри ПАКСа формируется сильная оппозиция, которая пытается преодолеть линию Пясецкого. Кажется уже, что дни прежнего ПАКСа сочтены, но в январе 1957 г. Гомулка принимает Пясецкого и заверяет, что административные меры не будут приняты, и ПАКС предпринимает новое наступление на католические круги.

История ПАКСа – это история его постоянного приспособления к внутрипартийным фракционным интригам. В шестидесятые годы к власти начинает приближаться группа "партизан" под водительством Мочара, и на эту национал-коммунистическую группу делает ставку ПАКС. В 1965 г. ПАКС получает пять мандатов в Сейме – столько, сколько имеет "Знак". В 1967 г. глава ПАКСа обвиняет епископат в нелояльности, и в 1967-1968 гг. ПАКС идет едва ли не дальше партии, приписывая вину за либеральные тенденции "извечному треугольнику" американского империализма, германского реваншизма и международного сионизма. В этом духе ПАКС интерпретирует мартовские события, объявляя их делом детей отставленных от дел коммунистов еврейского происхождения. В Сейме атакует группу "Знак" за ее запрос по подавлению студенческих волнений.

В семидесятые годы стиль и программа ПАКСа не подверглись изменениям – даже после смерти основателя и главы ПАКСа Пясецкого в 1979 году.

⁸ *'Тыгодник Повсехный'* — краковский католический журнал, один из основных центров движения "Знака". В 1-м номере редакционное объявление сообщало, что журнал будет аполитичным и беспартийным и не будет затрагивать актуально-политических вопросов и борьбы партий.

В 1952 г. Е. Турович и С. Стомма, ссылаясь на Соглашение Церкви и государства, высказывались в журнале за "социальный мир" и "сотрудничество между католиками и марксистами на благо нации". В то же время они писали, что критерием успеха "польского эксперимента" будет "вопрос независимости Церкви и свободы ее деятельности" и "проблема общего морального "климата" в государстве". Причем, свободу деятельности Церкви они понимали не только как свободу культа, но и как "свободу творенья христианской культуры".

В 1953 г. *"Тыгодник Повсехный"* был ликвидирован, редакция разогнана, а название журнала и право на его издание передано ПАКСу.

В конце 1956 г. начал выходить настоящий *"Тыгодник Повсехный"* с прежним составом редакции. В течение всей своей истории, не исключая и нынешних дней, журнал испытывает постоянные цензурные вмешательства.

⁹ *'Письмо 34-х'* представителей польской культуры премьер-министру Циранкевичу (1964 г.) с требованием снять ограничения (в первую очередь — цензурные), мешающие развитию польской культуры. В связи с этим письмом в Варшавском университете состоялся первый с 1957 г. студенческий митинг.